

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

**«СТЕНЫ И МОСТЫ»–III
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ИДЕИ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**

«Гаудеамус»
Москва, 2015

«Академический проект»
Москва, 2015

³⁰ Там же. С. 9–10.

³¹ *Авакьянц Г.С.* Некоторые принципы и методы применения ЭВМ в современной дешифровке исторических систем письма // *Древние системы письма: этническая семиотика*. М., 1986. С. 28–35.

³² *Кадзуаки Судо.* Японская письменность от истоков до наших дней. М., 2006.

³³ Там же. С. 34.

³⁴ Весьма примечательно, что в использованном издании Кудзуаки Судо на русском языке появляется очевидная опечатка на странице 31: вместо принципа «один иероглиф — один слог» издатель ошибочно (но более понятно для «инописменного» читателя) помещает: «один иероглиф — один звук». При этом в тексте звуки прописаны, и их количество почти в два раза превышает количество приведенных знаков.

³⁵ *Кадзуаки Судо.* Указ. соч. С. 31–33.

³⁶ *Древние системы письма: этническая семиотика*. М., 1986.

³⁷ *Гиренко Н.М.* Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретациях явлений культуры) // *Древние системы письма: этническая семиотика*. М., 1986. С. 6–27.

³⁸ *Гиренко Н.М.* Указ соч. С. 6–7.

³⁹ *Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма*. СПб., 1999.

⁴⁰ *Кнорозов Ю.В.* Особенности детских изображений // *Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма*. СПб., 1999. С. 186–192.

⁴¹ *Степанов Ю.С.* Семиотика. М., 1971.

⁴² *Иванов В.В.* Проблемы этносемиотики // *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*. М., 1989. С. 38–62.

⁴³ Там же. С. 38.

⁴⁴ *Выготский Л.С.* Нарушение понятий при шизофрении // *Избранные психологические исследования*. М., 1956.

⁴⁵ *Иванов В.В.* Проблемы этносемиотики // *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*. М., 1989. С. 44–45.

⁴⁶ *Ершова Г.Г.* Междисциплинарность: история и перспективы // *Стены и мосты. Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях*. М., 2012. С. 53–58.

⁴⁷ *Кнорозов Ю.В., Федорова И.К.* Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы // *Латинская Америка*. 1970. № 5. С. 10–18.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И КРИЗИС КАУЗАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Кром Михаил Маркович

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург

Аннотация: В статье анализируется кризис каузальности, о котором свидетельствуют возросшие сомнения историков в возможности установления причин важнейших событий и процессов и наблюдаемый ныне стихийный отказ многих из них от выяснения причинно-следственных связей в пользу констатации сложности исторических явлений. Эта тенденция рассматривается в контексте взаимоотношений истории с другими науками: в частности, современный кризис исторической каузальности отчасти объясняется разочарованием в механистической модели причин и следствий, заимствованной из естественных наук в XIX в. Вопрос о том, могут ли современные науки (например, биология) предложить историкам более адекватную модель для поиска причин изучаемых явлений, остается открытым.

Ключевые слова: каузальность, история, социальные и естественные науки.

«...Причины в истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать. Их надо искать...» — на этих словах обрывается рукопись последней книги Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка»¹. К сожалению, великий ученый не успел написать о том, как, по его мнению, следует искать исторические причины, но некоторые указания на сей счет можно найти в его предшествующих работах.

Так, в статье «К сравнительной истории европейских обществ» (1928) Блок рекомендовал внимательно изучать «сходные явления», так как «они позволяют продвинуться еще на шаг вперед в увлекательном поиске причин». По его мнению, «именно здесь сравнительный метод способен оказать историку самую большую помощь, указывая ему путь, ведущий к истинным причинам, а также (или, быть может, «а главное», если начать с услуги более скромной, но совершенно необходимой) отводя его от некоторых тупиковых направлений исследования»².

В упомянутой статье М. Блок убедительно показал, как с помощью сравнения можно выявить истинный масштаб изучаемого явления (например, сословного представительства в средневековой Европе) и тем са-

мым избежать локальных объяснений, которые ведут лишь к ложным причинам общеевропейских процессов³. Можно заметить, однако, что «услуга», которую сравнение, будучи частным случаем индукции, способно оказать историку в поиске причин, носит негативный характер: оно способно опровергнуть ложное объяснение (Уильям Сьюэлл в комментарии к процитированной статье Блока назвал эту полезную функцию сравнения *тестированием гипотез*)⁴, но к «истинным причинам», увы, не приводит.

Отношение крупнейшего историка минувшего столетия к проблеме причинности весьма показательное: с одной стороны, он до конца жизни был уверен в необходимости и возможности причинно-следственного анализа, а с другой — отдавал себе отчет в сложности этой процедуры.

До конца XX столетия историки продолжали настойчиво искать причины важнейших событий, причем перечень возможных факторов непрерывно рос. Так, немецкий историк Александр Демандт в 1984 г. перечислил в алфавитном порядке 210 причин падения Древнего Рима⁵. Понятно, что, когда счет «предпосылок» и «факторов», приведших к тому или иному известному событию, идет уже на сотни, возникают сомнения в возможности установить единственную «настоящую причину». И вот в начале XXI в. историки уже открыто заговорили о кризисе каузальности.

Так, по признанию Детлефа Юнкера, «проблема каузальности представляет собой самую большую нерешенную познавательную проблему современной исторической науки»⁶. Более развернуто об этой проблеме высказался недавно французский исследователь Эрве Мазюрель: по его наблюдениям, в последние двадцать лет историки отказались от проекта дюркгеймовской социологии, нацеленной на создание социальной физики, применяющей к истории правила наук о природе, рассматривающей «социальные факты как вещи» и требующей механического объяснения причинности. «Совершенно очевидно. — констатирует Мазюрель, — что в настоящее время мы наблюдаем кризис каузализма в истории: историки теперь с недоверием относятся ко всяким претензиям на подобного рода объективизм и на превосходство по отношению к изучаемому объекту; они теперь знают, что история *de facto* относится к повествовательному жанру. Поэтому многие исторические исследования, — продолжает французский ученый, — отошли от попыток установить однозначную причинно-следственную связь, и представление о реальности в результате усложнилось, что открыло возможности для разнообразных ее описаний»⁷.

Об утрате историками в последние десятилетия интереса к причинной связи пишет и современный американский исследователь Питер Болдуин: «Причинность стали рассматривать как часть одержимости монокаузальными, редукционистскими или, по крайней мере, чересчур скупыми объяснениями, укорененными в прежней и все более старомодной парадигме социальных наук. <...> История после лингвистического поворота, и культурная история в особенности, стала гораздо больше интересоваться вопросом “что”, чем “почему”, и больше обращать внимание на сложность, чем на каузальность»⁸.

В подтверждение справедливости слов Болдуина о внимании современных историков к проблеме сложности можно сослаться на недавно вышедшую статью Джованни Леви, одного из «отцов-основателей» микроистории. По его словам, микроистория родилась «из необходимости заново овладеть всей сложностью анализа, отказавшись тем самым от схематичных и общих интерпретаций, чтобы правильно определить настоящие корни форм поведения, выбора и солидарности»⁹.

В приведенных выше высказываниях Э. Мазюреля и П. Болдуина обращает на себя внимание не только связь, которую оба ученых усматривают между «лингвистическим поворотом» и кризисом каузальности, но и акцент, который они делают на новом размежевании истории и социальных наук: описываемый ими тренд совпадает с отказом историков от «проекта дюркгеймовской социологии» (по Мазюрелю) или от «старомодной парадигмы социальных наук» (по Болдуину).

Действительно, лидеры новых направлений в исторической науке, возникших в конце XX в., решительно подчеркивали автономию своей дисциплины, ее независимость от социальных наук. Так, Линн Хант, основательница американской новой культурной истории, писала о том, что рассматривает историю «скорее как отрасль эстетики, чем как служанку социальной теории»¹⁰. А Джованни Леви, один из лидеров итальянской микроистории, предупреждал коллег об «опасностях гирцизма», т. е. негативных последствиях некритического заимствования историками идей известного антрополога К. Гирца¹¹. И как раз названные направления — новая культурная история, микроистория, к ним можно добавить также историю повседневности — продемонстрировали утрату интереса к поиску причин, сосредоточив внимание не на событиях или безличных процессах, а на поведении индивидов и их роли в происходивших общественных переменах.

Вместе с тем следует отметить неравномерный характер кризиса каузальности в современной исторической науке: стихийный отказ от пои-

ска причин, характерный для многих направлений социальной и культурной истории, отнюдь не свойственен, например, экономической истории.

Если мы хотим понять «упорство» экономических историков, продолжающих настойчиво выяснять причины изучаемых процессов и явлений, следует принять во внимание примат экономической теории в этой области исторических исследований. Так, издатели программного сборника «Новая сравнительная экономическая история» (2007) специально подчеркивают, что данная субдисциплина «вдохновляется дебатами академических экономистов и людей, принимающих решения (policymakers), а не повесткой дня, заданной историками»¹². Поэтому можно предположить, что сохраняющийся у экономических историков интерес к причинно-следственным связям продиктован задачами и установками экономической науки.

Однако, хотя современные экономические историки в отличие от своих коллег в других областях изучения прошлого не отказались от каузального анализа, знакомство с их трудами не прибавляет оптимизма в отношении поиска истинных причин поворотных событий в истории. Возьмем, к примеру, активно дебатированный в последнее время вопрос о причинах промышленной революции в Англии на рубеже XVIII — XIX вв. В частности, Кеннет Померанц, автор нашумевшей книги «Великая дивергенция» (2000), пришел к выводу, что еще в середине XVIII в. наиболее развитые районы Западной Европы и Восточной Азии (прежде всего долина Янцзы в Китае) по многим параметрам находились примерно на одном уровне, но ни один из них не мог вырваться из экономического тупика, обусловленного нехваткой земли и другими экологическими факторами, за счет собственных ресурсов. Поэтому промышленная революция представляется Померанцу не очередным этапом развития, а резким скачком, разрывом с прежним застойным состоянием. И то, что именно Британия оказалась способна совершить этот рывок, ученый склонен объяснять внешними или случайными причинами: наличием там больших залежей угля и эксплуатацией колоний, откуда доставлялись сельхозпродукты, драгоценные металлы и иные необходимые ресурсы¹³.

Другой экономический историк, Грегори Кларк, дал иное объяснение той же проблемы. В книге «Прощай, нищета!» (2007) он прежде всего подробно описал так называемую «мальтузианскую ловушку», т. е. ограничения, в течение многих веков сдерживавшие развитие экономики, когда рост населения при тогдашнем состоянии техники неизбежно

приводил к падению материального уровня жизни людей. Британская промышленная революция, позволившая вырваться из этой «ловушки», представляется Кларку во многом загадочным событием. Тем не менее, в отличие от Померанца, он не склонен объяснять ее внешними или случайными обстоятельствами. Кларк подчеркивает плавный, эволюционный характер развития, отмечая стабильный, хотя и небольшой в годовом исчислении, экономический рост в Англии в 1600–1760 и 1780–1860 гг.¹⁴ Решающую же роль в объяснении ее экономических успехов Кларк отводит культурным факторам, включая образ жизни и уровень образования, а по этим показателям Великобритания к 1800 г. значительно опережала Японию, Индию и Китай¹⁵. Пытаясь объяснить динамизм английского общества, его склонность к инновациям, ученый обращает также внимание на особенности демографических процессов: уровень рождаемости в богатых английских семьях, как и уровень нисходящей мобильности, был значительно выше, чем в китайской и японской элитах. Соответственно, в первом случае нравы и культура среднего класса гораздо глубже проникали в нижние этажи социальной иерархии. «Можно предположить,— заключает Кларк,— что преимущества Англии заключались в быстром культурном, а возможно, также и в генетическом распространении ценностей экономически успешного слоя по всему обществу в 1200–1800 гг.»¹⁶.

Наконец, свое мнение по обсуждаемым вопросам высказал недавно известный британский ученый Роберт Аллен. Отдавая должное институциональным, культурным и географическим различиям, «непосредственными причинами» (*immediate causes*) экономического неравенства между странами, он считает изменение технологии, глобализацию и экономическую политику. Более того, промышленная революция, по его мнению, стала результатом первой фазы глобализации, начавшейся в конце XV в. вместе с эпохой великих географических открытий. В этой «первой глобализации» ученый видит истоки последующего «великого расхождения»¹⁷.

Как видим, ведущие специалисты не могут прийти к консенсусу относительно причин одного из важнейших событий в мировой экономической истории: Померанц считает эти причины внешними или случайными (залежи угля в Англии, эксплуатация колоний), Кларк отдает предпочтение внутренним культурным и демографическим факторам, а Аллен подчеркивает значение глобализации. При этом все указанные причины, выдвигаемые в качестве основных теми или иными учеными, глубоко укоренены в их концепциях и вне соответствующей аргумента-

ции сразу теряют свою исключительность, занимая место в ряду возможных факторов, приведших к британской промышленной революции, который однажды может сравняться по длине с упомянутым выше рекордным списком причин падения Древнего Рима.

Таким образом, современные экономические историки, несмотря на всю их оснащенность новейшими теориями, моделями и статистическими методами, в своем поиске «истинных причин» важнейших явлений и событий сумели продвинуться не дальше, чем их коллеги. например, в традиционной политической истории, привычно рассуждающие о том, что могло подвигнуть того или иного государственного деятеля к принятию рокового решения... Очевидно, существуют фундаментальные эпистемологические проблемы, мешающие историкам, независимо от периода или тематики их занятий, уверенно называть причины происходивших событий, явлений и процессов.

Эти проблемы отнюдь не новы, и некоторые из них были хорошо известны еще Джону Стюарту Миллю в 40-е гг. XIX в. Автор «Системы логики», разработавший методы индукции («каноны Милля»), нацеленные на установление причин наблюдаемых явлений в естественных (экспериментальных) науках, специально подчеркивал, что эти методы не подходят для нужд социальной науки потому, что общественная жизнь очень сложна, в ней действует множество факторов, и одно и то же явление может вызываться разными причинами; а также потому, что над людьми невозможно поставить искусственный эксперимент с научными целями¹⁸.

В наши дни о тех же трудностях рассуждает американский историк Дебора Коэн: «И как историки, которые, в конце концов, не являются рационалистами в белых халатах, работающими в лаборатории, — задает она риторический вопрос, — отделяют один фактор от другого?» «Если сходные явления имеют разные причины, — продолжает Коэн, — и если различные последствия происходят от, по-видимому, взаимосвязанных факторов, то как мы выделяем решающую переменную?»¹⁹

Долгое время историки в поиске причин возлагали особые надежды на сравнительный метод (см. выше мнение М. Блока на этот счет), но сейчас, судя по высказываниям некоторых современных компаративистов, эти надежды в значительной мере утрачены. Как напоминает Д. Коэн, проблема заключается во взаимодействии факторов, что не учитывается во многих сравнительных аргументах. Один и тот же фактор, в зависимости от контекста, может по-разному действовать в странах *А* и *Б*: в стране *А* он может иметь первостепенное значение, а в стране *Б* — почти никакого²⁰.

Таким образом, основным препятствием, с которым неизбежно сталкивается любой историк или обществовед при попытке установить причину некоего социального явления — причем неважно, в прошлом или в настоящем, — оказывается невозможность прямого контролируемого эксперимента: общественные процессы нельзя воспроизвести в лаборатории; в результате исследователь оказывается не в состоянии, по справедливому замечанию Д. Коэн, отделить один значимый фактор от другого и в конечном счете найти «истинную причину» произошедшего.

Описанная ключевая эпистемологическая проблема, общая для истории и социальных наук (ниже я вернусь к этому важному обстоятельству), имеет ряд следствий. Поскольку в распоряжении историка нет прямого эксперимента, он, в отличие от химика или физика, не может установить причины изучаемых явлений индуктивным путем, поэтому исторические объяснения по форме являются ретросказаниями, т. е. умозаключениями от следствий к их предполагаемым причинам²¹, а по своей логической природе — гипотезами, требующими серьезного обоснования²². Кроме того, будучи плодом дедукции и воображения историка, выстраиваемые им цепочки причин и следствий неизбежно носят дискурсивный характер и, как было показано выше на примере современной экономической истории, неразрывно связаны с той или иной теорией или концепцией. Научные и мировоззренческие установки автора во многом определяют выбор тех факторов, которым он отдает предпочтение в причинно-следственном анализе изучаемого события или явления.

Следует учесть и то, что историки по-разному конструируют изучаемые ими явления или события: например, одни ученые предысторию российской революции 1917 г. начинают с обстоятельств отмены крепостного права в 1861 г., другие — с восшествия на престол последнего императора, Николая II, а третьи — с событий Первой мировой войны. Понятно, что когда представления о хронологии и контексте поворотных исторических событий столь разнятся, трудно ожидать консенсуса по вопросу об их причинах!

Критикуя увлечение историков поиском причин, биолог Г.Ю. Любарский не без иронии замечает: «...историк в качестве результата своей работы должен указывать на цепь причин, которая привела к появлению данного события. Исторические школы, собственно, различаются только предпочитаемым видом причин. Одни любят причины экономические, другие — государственные, связанные с политическим развитием. Можно найти объяснения геополитические, идеологические, географи-

ческие, этнографические... Неприятность состоит в том, что все эти объяснения верны, а все школы — правы»²³.

Мнение биолога по поводу проблемы каузальности в истории кажется мне здесь уместным не только потому, что оно, на мой взгляд, верно описывает ситуацию, но и потому, что сама эта проблема может быть правильно понята только в междисциплинарном контексте.

Сказанное выше о причинности в истории с небольшими коррективами относится и к социальным наукам. Напомню, что именно их имел в виду Д.С. Милль (особо он выделил политэкономия и только что появившуюся на свет социологию)²⁴, когда писал о невозможности применения к изучению общества методов индукции, а следовательно, и установления причин общественных явлений в естественно-научном смысле. К настоящему времени многие крупные ученые — историки, социологи, антропологи — пришли к единому мнению об отсутствии принципиальных методологических границ между их дисциплинами. Как показал французский социолог Жан-Клод Пассерон, социология, как и история, является разновидностью естественного рассуждения. «Мы не выходим за рамки естественного рассуждения, — замечает по этому поводу известный историк Антуан Про. — Просто социология предлагает более оснащенный, более строгий и, может быть, более внушительный вариант естественного рассуждения. Различие между ней и историей — это разница в степени, но не в природе»²⁵.

Но если все науки об обществе, включая историю, обладают определенным единством в методологическом отношении, то почему о кризисе каузальности говорят сейчас одни историки? На мой взгляд, это свидетельствует скорее о разной степени осознания данной проблемы в разных дисциплинах, чем о том, что историки из всех социальных наук являются самыми большими «неудачниками» на поприще поиска причин. Рискну предположить, что роль причинно-следственного анализа в той или иной дисциплине в значительной мере определяется степенью влияния на нее естественных наук. История в этом отношении занимает место где-то между антропологией, в которой, насколько я могу судить, каузальность большой роли не играет, и социологией, которая со времен Э. Дюркгейма позиционировала себя как наука, призванная открывать законы общественного развития, подобно физике или химии в царстве природы, а следовательно, нацеленная на поиск причин. Впрочем, и в социологии можно заметить некоторые признаки кризиса каузальности: в качестве примера сошлюсь на статью американского социолога Эндрю Эбботта под выразительным названием «Упадок причинности»

(Causal Devolution), в которой автор убеждает коллег в том, что каузальность, отнюдь не являясь единственной формой объяснения, в настоящее время стоит на пути дальнейшего развития социологии как дисциплины (!); в качестве альтернативы Эбботт рекомендует описание²⁶.

На мой взгляд, нынешний кризис каузальности, активно обсуждаемый историками, но заметный и в других общественных дисциплинах, связан с переосмыслением отношения социального и гуманитарного знания к методам естественных наук. Биолог Г.Ю. Любарский, чьи критические замечания о попытках историков найти причины изучаемых ими событий я уже цитировал выше, полагает, что каузальный анализ не соответствует самому предмету истории — процессу развития общества: «О развитии мы можем говорить, — пишет он, — применительно к открытым неравновесным сложным системам. С другой стороны, методология причинного анализа сформировалась при изучении совсем иных систем — замкнутых, равновесных, относительно простых. В таких простых процессах, как соударение бильярдных шаров, причина влечет за собой следствие. Такие процессы издавна изучала механика; на подобной познавательной базе была построена почти вся физика до начала XX в.»²⁷. Но применительно к процессам развития каузальный метод не работает, «...когда мы имеем дело с развивающимися системами, — продолжает Г.Ю. Любарский, — выявление цепочек причин и следствий не приводит к пониманию реальности. Явных ошибок причинный метод не дает: у причин имеются следствия, происходящее *можно описать* как процесс производства следствий причинами. Однако это описание не является достаточно полным, поскольку специфика конечного результата в чрезвычайно слабой степени зависит от специфики причины. Причинное объяснение явлений истории оказывается лишь частично адекватным историческому процессу»²⁸.

«Диагноз», который поставил каузальному анализу Г.Ю. Любарский, перекликается с приведенными выше словами Э. Мазюреля, писавшего об отказе историков от механистичной картины мира, укорененной, в частности, в дюркгеймовском проекте социологии. Но между российским биологом и французским историком есть заметные различия в оценке ситуации: если Любарский подчеркивает, так сказать, объективную сторону проблемы — несоответствие причинно-следственного анализа сложным процессам общественно-исторического развития, то Мазюрель делает акцент на особенностях самого исторического познания, в том числе на его нарративной природе, допускающей плюрализм интерпретаций. «В сознании историка, — пишет Мазюрель, — существу-

ет уже не прежний порядок, при котором одно следствие порождалось одной причиной, а релятивистский порядок отношений между взаимозависимыми явлениями, каждое из которых может объясняться множеством (и даже бесчисленным множеством) факторов»²⁹.

Но какие бы объяснения нынешнего кризиса каузальности ни предлагали те или иные ученые, ясно одно: мы являемся свидетелями масштабного мировоззренческого сдвига, сопровождающегося изменением отношений как между отдельными общественными науками (в частности, между историей и социологией), так и в целом между дисциплинами социогуманитарного и естественно-научного циклов.

В заключение я хотел бы кратко остановиться на возможных последствиях кризиса каузальности для исторической науки. Оставляя в стороне тех ученых, которые не замечают никакого кризиса и по старинке продолжают называть «причинами» свои предположения о мотивах поступков того или иного деятеля или о движущих силах некоей революции, стоит все же ожидать, что признание невозможности однозначно выстроить цепочку причинно-следственных связей вызовет некоторую тревогу у коллег, серьезно интересующихся методологическими проблемами нашей профессии. Ведь еще Марк Блок писал о том, что «историкам вряд ли удастся уйти из-под власти этого всеобщего закона мышления», каковым он считал идею причинности³⁰. Действительно, вопрос «почему» глубоко укоренен и в обыденном сознании, и в науке. Но каузальность вовсе не является единственной формой научного и, в частности, исторического объяснения.

Чаше всего историки прибегают к контекстному объяснению, полагая, что изучаемые ими события или явления были обусловлены исторической обстановкой, в которой они имели место. Формами объяснения могут выступать также рассказ и описание, на недостаточно раскрытый научный потенциал которого указал социолог Э. Эбботт в процитированной выше статье. Словом, отказ от причинности или ограничение использования этого вида анализа не будут означать потерю историей ее научных функций и вырождение в некую развлекательную беллетристику.

Как уже говорилось, в настоящее время существуют направления исследований — микроистория, история повседневности, новая культурная история и другие разновидности несобытийной истории, — сторонники которых не проявляют интереса к поиску причин и не пользуются каузальным анализом в своих работах.

Сознательный или стихийный отказ историков от поиска причин — одна из возможных исследовательских стратегий в условиях кризиса ка-

узости. Но вполне можно представить и другие стратегии. Так, поскольку основным препятствием для установления причин в истории служит отсутствие прямого эксперимента, можно попытаться оценить роль того или иного фактора (например, влияние железных дорог на рост американской экономики или Первой мировой войны — на демографическое развитие Европы) при помощи своего рода косвенного эксперимента — контрфактического моделирования³¹. Конечно, этот прием, у которого есть как сторонники, так и немало противников, не решает в целом обсуждаемую здесь проблему каузальности, но он, несомненно, дает интересные и часто неожиданные результаты, заставляющие переосмыслить привычные представления о последствиях некоторых известных событий.

Наконец, если механическая модель причинности признается сейчас безнадежно устаревшей, нет ли возможности позаимствовать у естественных наук иную, более совершенную модель, отвечающую нынешним задачам исторических исследований? Например, биологи готовы предложить историкам разработанную в их дисциплине теорию направленного, или эквифинального, развития, которая объясняет формирование организма в соответствии с генетической программой даже вопреки действию неблагоприятных факторов³².

Какой выход из нынешнего кризиса каузальности изберут историки, прислушаются ли они к советам представителей других научных дисциплин, или предпочтут вообще обходиться без категорий причин и следствий, покажет будущее.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е.М. Лысенко. Изд. 2-е, доп. М., 1986. С. 112.

² Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 73.

³ Там же. С. 73–75.

⁴ Sewell W.H. Jr. Marc Bloch and the Logic of Comparative History // History and Theory. Vol. 6. 1967. No. 2. P. 209–211, 215, 217.

⁵ Цит. по: Junker D. Kausalität // Lexikon Geschichtswissenschaft: hundert Grundbegriffe / Hrsg. von Stefan Jordan. Stuttgart, 2002. S. 182.

⁶ Ibid.

⁷ Мазурель Э. Причинная связь // Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазуреля; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М., 2011. С. 141–142. Эту позицию можно считать типичной для современной французской историографии: практически в тех же выражениях об отходе от «каузализма, заимствованного из экспериментальных наук», пишет Франсуа Досс в недавней изданной статье, см.: Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской

стороны // Как мы пишем историю? / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013. С. 9.

⁸ Baldwin P. Comparing and Generalizing: Why All History Is Comparative, Yet No History Is Sociology // Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / ed. by Deborah Cohen and Maura O'Connor. New York; London, 2004. P. 18.

⁹ Levi G. Microhistory and the Recovery of Complexity // Historical Knowledge: In Quest of Theory, Method and Evidence / ed. by Susanna Fellman and Marjatta Rahikainen. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 123.

¹⁰ Hunt I. Introduction: History, Culture, and Text // The New Cultural History / ed. by Lynn Hunt. Berkeley; Los Angeles; London, 1989. P. 21.

¹¹ Леви Д. Опасности гирцизма // Новое литературное обозрение. 2004. № 70. С. 25–31.

¹² Hatton T.J., O'Rourke K.H., Taylor A.M. Introduction: The New Comparative Economic History // The New Comparative Economic History: Essays in Honor of Jeffrey G. Williamson / ed. by Timothy J. Hatton, Kevin H. O'Rourke, and Alan M. Taylor. Cambridge, MA, 2007. P. 2.

¹³ Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton and Oxford, 2000.

¹⁴ Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / пер. с англ. Н. Эдельмана. М., 2012. С. 326–327, 337.

¹⁵ Там же. С. 364–370.

¹⁶ Там же. С. 375.

¹⁷ Allen R. Global Economic History. A Very Short Introduction. Oxford & New York, 2011. P. 16.

¹⁸ Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. В. Н. Ивановского. Изд. 5-е. М., 2011. С. 356, 653–658.

¹⁹ Cohen D. Comparative History: Buyer Beware // Comparison and History. Europe in Cross-National Perspective / Ed. by Deborah Cohen and Maura O'Connor. New York; London, 2004. P. 62.

²⁰ Ibid. P. 63.

²¹ О ретросказании см.: Про А. Двенадцать уроков по истории / пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. М., 2000. С. 178–179.

²² Хорошим примером гипотетико-дедуктивного изложения причин революции 1917 г. с их последующей эмпирической проверкой является недавно опубликованная статья Б.Н. Миронова, см.: Миронов Б.Н. Междисциплинарный подход в изучении русской революции 1917 г. // «Стены и мосты» — II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 13–14 июня 2013 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова. М., 2014. С. 46–63.

²³ Любарский Г.Ю. Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. М., 2000. С. 18–19.

²⁴ Милль Д.С. Система логики... С. 665–667, 669–671.

²⁵ Про А. Двенадцать уроков по истории. С. 214 (см. там же ссылку на книгу Ж.-К. Пассерона «Социологическое рассуждение»).

²⁶ *Abbott A. The Causal Devolution // Sociological Methods and Research. Vol. 27. No. 2 (November 1998). P. 148–181.*

²⁷ *Любарский Г.Ю. Морфология истории... С. 19.*

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ *Мазурель Э. Причинная связь. С. 142.*

³⁰ *Блок М. Апология истории... С. 108.*

³¹ О контрфактической истории см. подробнее: *Про А. Двенадцать уроков по истории. С. 180–182; Оффенштадт Н. Контрфактическая история // Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта при участии Г. Дюфо и Э. Мазуреля; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М., 2011. С. 82–83.*

³² *Любарский Г.Ю. Морфология истории... С. 19–21.*